

Вечерний скрим: каждый приказ Сун Цинсюя исполнялся мгновенно. Пять карт — пять побед DAG, ноль шансов. Уверенность WS взлетела.

За поздним ужином Шэнь Хуаньци показал всем свой план подготовки к плей-офф.

Чжан Чжиян посмотрел на расписание — ещё плотнее и жёстче прежнего — и нахмурился:

— Перетренируются — на сцене только хуже сыграют.

Шэнь Хуаньци:

— Сейчас важнее всего — не потерять форму. К тому же они в отличном состоянии. Такую нагрузку выдержат.

Чжан Чжиян всё равно сомневался. Открыл расписание лиги:

— До плей-офф — полмесяца. Дайте им хотя бы три дня. Немного, но отдохнут. Если что-то случится — аукнется сильнее.

Шэнь Хуаньци понимал опасения, но тоже хотел бы дать ребятам передышку. Подумав, он решил переложить решение на капитана:

— Сяо Сун, как считаешь? Одобряешь отпуск?

Сун Цинсюю было всё равно — хоть месяц без перерыва. Он уже открыл рот — и под столом его ногу мягко тронули.

Тан Хуай незаметно послал ему взгляд.

Тренировки — хорошо, но у людей есть инерция лени. Сун Цинсуй только что утвердил свой авторитет в команде. Если именно сейчас выбить для всех маленький бонус — его позиции укрепятся ещё сильнее.

Тан Хуай подозревал, что Шэнь Хуаньци дал решение Сун Цинсюю именно с этой мыслью.

Просто этот маленький дурачок, у которого в голове одни матчи, вряд ли додумается сам.

Сун Цинсуй не был дурачком. Он просто не привык мыслить в этой плоскости. Одного касания ноги хватило, чтобы всё сложилось.

Но ведь приятно, когда тебе подсказывают.

С лёгкой улыбкой он сказал:

— Всё-таки три дня отдыха. Пусть ребята расслабятся. В регулярке все отработали отлично.

Чжан Чжиян:

— Вот видишь, Сяо Сун тоже «за». Тренер?

Шэнь Хуаньци, загнанный в угол, только покачал головой:

— Раз капитан сказал — слушаемся капитана.

Тишина взорвалась.

— Ура-а-а-а!!!

— Каникулы!!!

Шэнь Хуаньци поморщился:

— На Новый год вам только что давали. Такая радость — будто я вас эксплуатирую.

Вэнь Лихуа — внезапно сладкоречивый:

— Что вы, тренер Шэнь — лучший тренер на свете!

Каникулы начинались завтра — значит, сегодня рано ложиться не обязательно. Сун Цинсуй почти не притронулся к ужину, но Тан Хуай позвал его на вечернюю пробежку, и он пошёл.

Два силуэта в темноте — круг за кругом по периметру коттеджного посёлка.

На полпути Сун Цинсуй начал халтурить: шёл — бежал — шёл. Тан Хуай вернулся и взял его за руку.

Сун Цинсуй давно не занимался спортом, икры уже сводило. Он просто сел на корточки — и вцепился в ладонь Тан Хуая.

— Беги так. Я не двигаюсь.

В свете фонаря его глаза вспыхнули знакомым лукавством — и Тан Хуай не удержался. Взял его за подбородок, приподнял — и поцеловал. Долго, нежно.

Целовал основательно и жадно, каждый участок — до покалывания. Ноги Сун Цинсюя ослабли настолько, что он чуть не упал на колени, — но Тан Хуай подхватил, сжал в стальных объятиях.

Язык Сун Цинсюя вытянули из его рта; холодный ночной воздух коснулся влажного — он вздрогнул. На ресницах блеснули капельки. Он вцепился в футболку Тан Хуая — не желая терпеть даже эту крохотную секунду холода — и сам потянулся губами навстречу.

Тан Хуай играет нечестно. Нельзя целовать посреди пробежки без предупреждения. Он же не давал согласия.

И раз уж поцеловал — нужно доводить до конца. Бросать на полпути — что за манера?

Тан Хуая умилила его нетерпеливость. Он мелкими поцелуями обвёл его нижнюю губу, а руки — давно уже под одеждой — скользили по узкой талии.

Сун Цинсюй не мог больше терпеть. Потёрся о его бедро и сказал:

— Завтра же выходной. Поехали... в отель?

Тёмные глаза Тан Хуая — густые от желания. Он коснулся губами кончика его носа:

— Хорошо. Я бронирую.

Сорок минут спустя.

Сун Цинсюй стоял под душем и не мог понять, как дошёл до жизни такой: два поцелуя — и он бежит в гостиницу.

Но стоило вспомнить тот поцелуй — пульс снова ускорился.

Раньше они тоже целовались, но ни разу не было так: легко, радостно, без посторонних мыслей.

В тусклом свете фонаря Тан Хуай склонился к нему — и было похоже на давнее, школьное.

И тогда, и сейчас — без остатка.

Пользуясь душем, Сун Цинсюй подготовился сам.

Тан Хуай каждый раз делал это невыносимо медленно — словно нарочно мучил. Сегодня Сун Цинсюй решил лишить его этого удовольствия. Радикальное решение.

Он вышел — и увидел Тан Хуая у окна с телефоном.

Тан Хуай обернулся. Заметил неестественный румянец. Кадык дрогнул.

— Хорошо, понял. Сегодня не могу — дела. Завтра приеду.

Цзи Чэнь по ту сторону не уловил изменения в голосе друга:

— Какие у тебя могут быть дела? Ты же говорил — каникулы. Приезжай прямо сейчас.

Тан Хуай:

— Люблю.

И повесил трубку.

Цзи Чэнь уставился на экран. Что?! Он не ослышался?! Появилась жена — и брат забыт?! Забыл, как среди ночи звонил ему, умирая от тоски?!

Он сунул телефон в карман и развернулся — но налетел на кого-то. Человек чуть не упал; Цзи Чэнь едва успел подхватить.

— Чёрт, ты цел?!

Спасённый, хотя явно ещё не пришёл в себя, тем не менее серьёзно заметил:

— Нельзя ругаться.

Цзи Чэнь рассмеялся. Откуда здесь несовершеннолетний?

Тан Хуай сидел на диване и протянул руку. Сун Цинсюй, вытирая волосы, подошёл. Под

халатом — ничего; на диван садиться не хотелось. Зато бёдра Тан Хуая — вполне устраивали. Он сел верхом.

— С кем говорил?

— С Цзи Чэнем, — ответил Тан Хуай и добавил: — Сам подготовился?

Сун Цинсюй тут же хотел встать:

— Я не «подготовился»! Всё было абсолютно открыто и законно!

Тан Хуай удержал его. Кивнул:

— Хорошо, не тайком. Значит — расширился?

— А-Сюй так торопится? Столько дней копилось?

— Давай проверю.

Одним движением Тан Хуай перевернул его лицом вниз на диван. Нижняя половина тела осталась на его коленях.

Поза — откровенная. Стыдная. Уши Сун Цинсюя вспыхнули до корней. Он потянул халат, пытаясь прикрыться, но пальцы Тан Хуая добрались до кожи раньше ткани. Он дёрнулся и уткнулся лицом в подушку.

Тан Хуай тщательно проверил. Потом зацепил пальцем подбородок Сун Цинсюя, заставляя посмотреть на свою руку.

— Халтурил?

Пальцы чуть раздвинулись; прозрачная нить потянулась и оборвалась. У Сун Цинсюя перехватило дыхание.

— А-Сюй, дыши.

Сун Цинсюй послушно задышал. Тихо, ломко:

— Я не халтурил.

Тан Хуай прикурил сигарету, держа её другой рукой, и дал Сун Цинсюю затянуться.

— Значит, хочешь, чтобы всё-таки я.

Сун Цинсюй лежал лицом вниз — и кивнул, не поднимая головы.

И Тан Хуай — дал. Руку. Целиком.

С ним он всегда был таким: без дна, без границ. Мелочи — пожалуйста. Больше — тоже.

Сун Цинсюй лежал на животе; бледная кожа на фоне тёмных брюк и однотонного дивана стала розовой. Румянец — как россыпь крохотных невидимых крючков, впивающихся в глаза, губы и сердце Тан Хуая:

Ты не хочешь поцеловать меня?

Тан Хуай наклонился и прижался губами к худой спине. Клыки сомкнулись на коже. Даже не будучи зверем — раз впился, не отпустит.

Сун Цинсюй плыл: голова запрокинута, с уголка губ — след. Горло — как немое: ни звука.

— А-Сюй, ты такой красивый. Как может существовать такой красивый человек.

Голос Тан Хуая — почти одержимый. Не обращая внимания на то, что испачкал брюки, он поднял Сун Цинсюю и посадил лицом к себе.

— А-Сюй, я так тебя... так тебя люблю.

Сун Цинсюй ещё не пришёл в себя. Сквозь туман — опустил глаза: живот — вздувшийся, контур чужого — отчётливый. Вздрогнул, дёрнулся, но Тан Хуай схватил его за щиколотку и намертво зафиксировал за поясницу.

— А-Сюй, я дал тебе то, что ты хотел. Ты ведь тоже дашь мне?

Дальнейшие четыре пятых — в тумане.

Кажется, он обнимал Тан Хуая за шею. Кажется, в панорамном окне с видом на реку отразились: Тан Хуай — полностью одетый, и он сам — почти плачущий.

Потом вид на реку стал очень близким. Он тянул руку — казалось, мог дотронуться до яхты. А

его самого несло вперёд, вжимая в стекло.

Говорить не получалось. Голос — рваный, прерывистый. Тан Хуай зажимал ему рот пальцами. Тан Хуай — действительно невыносимый человек.

После — его уговорили выпить почти целую бутылку воды. Только тогда влага, потерянная за ночь, была хоть как-то восполнена.

Следующее утро.

Сун Цинсуй открыл опухшие глаза. Поцелуя не последовало. Он сел, моргая, — и обнаружил, что в комнате никого.

Тан Хуай? Вышел за покупками?

Открыл телефон. Сообщение — три часа назад.

[Дома дела, уехал.]

[Вернусь к концу каникул.]

Сун Цинсуй поднял бровь.

И заблокировал Тан Хуая.

Что значит — «уехал»? Почему не предупредил заранее? Почему бросил его одного? После ТАКОЙ ночи — даже не обнял утром?!

Если не собирался утешать — зачем вообще?

Сун Цинсуй натянул одежду. Уже у двери увидел: куртка Тан Хуая — оставлена для него, аккуратно перекинута через спинку стула.

Он закатил глаза и вышел без неё.

Идиот. Ему нужна была не куртка!!!